

мену полагалось ночью вставать на молитву, а не «веселиться». Из другого рассказа мы узнаем, что «брата» не удосужились постричь в схиму: он «небрегом бысть от братиа нищеты ради» (стр. 128). Назначенные служить больному монахи «гнушались» его и оставляли его «гладна и жадна два дъни или три» (стр. 126). Когда Еразм истратил все свое имущество на украшение церкви, он стал «небрегом никим же» (стр. 87). Иноки иногда из корысти шли и на прямой обман. Черноризцы, которым «некто муж» из Киева поручил договориться («сътворити ряд») со знаменитым печерским иконописцем Алимпием о написании семи икон, несколько раз приходили к заказчику за «златом и серебром», будто бы требуемым Алимпием, и обманно брали его себе. Обман был обнаружен и иноков изгнали из Печерского монастыря (стр. 123). У Марка печерника не достало силы — он «изнеможе»; вырытая им могила оказалась узка, и вот братия «болма укоряху его, досаждающе ему», но не помогают усталому старику. Жили двое дружных братьев — монахи. Умер младший, и старший в гневе, что в приготовленной заранее могиле этого младшего похоронили выше (стр. 111—112). Мы видели, что даже и будущие святы идеала иноческой жизни достигают не сразу.

Вопреки агиографическому канону, монахи в патеричных легендах выглядят не «обобщенным воплощением добра», это живые люди с обычными бытовыми недостатками: они ссорятся, завидуют, копят деньги, рвутся к земным радостям, каются и снова грешат; лишь сурово наказанные болезнью или в видении предупрежденные о расплате после смерти возвращаются к «праведной» жизни. Быт прославляемого Киево-Печерским патериком монастыря раскрывается всей совокупностью его легенд совсем не так, как этого требовал агиографический стиль: это не «фон, иногда намеченный в самых общих очертаниях», необходимый, когда автор стоит на пути «идеального преобразования жизни».³³ Умело подмеченные детали показывают нам этот быт настолько конкретно и притом не односторонне, что «многообразие действительности» не сглаживается обязательными приемами агиографии.

5

«Прелесть простоты и вымысла» многих рассказов Киево-Печерского патерика выступает особенно наглядно, когда мы сравниваем отдельные эпизоды их со сходными сюжетами и мотивами переводных патериков, известных на Руси уже с XI—XII вв. — Лавсаика Палладия и Луга духовного Иоанна Мосха (в русском переводе «Лимонаря»). Знакомство русских писателей с этими сборниками легенд о старцах-пустынниках Востока можно доказать многочисленными примерами, в частности и в одном из рассказов Киево-Печерского патерика (об Арефе, стр. 88) есть прямая ссылка на «Патерик» — Луг духовный. Однако суть вопроса в данном случае заключается не в том, «заимствовали» ли, «подражали» ли русские писатели, участвовавшие в сложении Киево-Печерского патерика (Нестор, Симон, Поликарп), переводным легендам или сами «черноризцы печерские» в своей подвижнической жизни повторяли поступки восточных старцев. Задача историка литературы раскрыть, как осмысляются и художественно разрабатываются сходные сюжеты и мотивы в восточных «отечниках» и в Киево-Печерском патерике.

Обратимся к примерам прежде всего из ортодоксального «жития» — написанного Нестором жития Феодосия Печерского.

³³ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 78, 79.